

Елена Маличевская

НАБОР ОТКРЫТОК

Зимой тяжело просыпаться, а потом идти жить жизнь и работать работу. Мне кажется, что я достигаю какой-то критической отметки. Вот ударят двадцатиградусные морозы — внутри замигает воображаемая красная лампочка, завоет сирена. И тогда я начну спасательную операцию: натяну одеяло на голову и никуда не пойду... Но сегодня сквозь ледяной космос я ехала в автобусе с ученицами начальных классов и поняла, что есть люди, которым тяжелее.

Я заходила в автобус последняя, а передо мной эти две девочки. Вдруг одна из них стала на верхнюю ступеньку и начала медленно падать навзничь. Непонятно, что ее перевешивало: рюкзак («как у десантника» — говорил в детстве папа, наблюдая, как я запикиваю в рюкзак шестой учебник и забрасываю его за спину) или нежелание идти в школу. Мне все-таки кажется, девочка думала: «Хорошо бы выпасть из этого автобуса и никуда не ехать». Но за ее спиной на ступеньку, опаздывая на работу, поднималась я. Поэтому плавно подхватила ее, молча поставила, вошла следом, и мы поехали...

Единственное, что может меня извинить — мягкая мутоновая шуба. Это было прекрасное приземление в руки коварной судьбы. Такое знаете ли... «Я ежик. Я упал в реку». А кто-то подхватывает тебя и несет к следующей остановке...

•

Ой, ну и что случится, если смотреть в отпуске слишком много мистических сериалов? Ну, в туалет ночью будет страшно ходить (потому что в темноте — ужасы). Максимум. Мак-си-мум! А вот и нет. По какой-то акции у оператора мне вручили сим-карту, которую я тут же из любопытства запикинула в телефон, пару раз позвонила и забыла. Потом оказалось, что бывшую владелицу номера тоже зовут Елена. И вот в самые отчаянные моменты жизни, когда я напрочь

забываю не то, что у меня две симки в телефоне, а то что у меня две руки — правая и левая... Так вот, в такие моменты той Елене обязательно звонят. И я очень долго пытаюсь понять, откуда у меня кредит в банке или в каком состоянии измененного сознания я оставила контакты на курсах по парикмахерскому искусству в Бобруйске... Иногда мне кажется, что это знак, привет из параллельной жизни, где Елена хорошо живет, как все живет: с недвижимостью и нормальной рабочей профессией. А я тут рефлексирую, сложноустроенная личность... Тревожные звонки. Теперь я жду открытия портала, через который мы поменяемся жизнями, чтобы что-то о себе понять. Если я вдруг предложу вас постричь, знайте, что меня пора спасти из какого-то параллельного Бобруйска.

А если бы и можно было кем-то другим побыть, то я бы хотела стать девочкой, которую видела недавно в метро. Она зажигательно танцевала рядом с дедушкой, задавая ритм фразой: «А мама сказала мы будем клеить обо-о-о-о-ои!» Вот на кого хочется быть похожей. Я представляю, как вся платформа идет за ней, пятилетней блондинкой в розовых босоножках и серых бриджах. Как в индийском кино. Как на бразильском карнавале. Т-р-р-р-р-йаху! Я в первом ряду (в конце концов, это я ее заметила) пою: «А заместитель директора сказал, что мы поедem в Рогачё-ё-ё-ё-ёв!» Справа от меня пухлая бухгалтерша лет пятидесяти: «А директор сказал, что к нам придет финансовая проверка!» Слева студент-хипстер: «А сегодня начался учебный год!» И внимание! Такое сложное движение: руки над головой и быстро перебираем ногами. Мы прекрасны. Мы синхронны. Мы движемся под мелодии и ритмы зарубежной эстрады. Потому что жизнь — это весело. Особенно, если у тебя их две.

•

Выходишь проветрить голову, а тоскливое «сколько всего надо сделать» не выветривается. И тут навстречу пацаны на колесах. Лет по восемь. Велосипед, самокат, скейт — весь джентльменский набор. Один как крикнет: «Виталья, гони!» — и все за ними. Последний на скейте. С двумя сломанными руками в гипсе. Гипс от середины ладони до середины плеча. И он за Виталей. На скейте, повторюсь. Не, ну а чё? Только Виталья гонит, а он не успевает. Прыгает со скейта, хва-

тает его в загипсованные руки и бежит за компанией. Я смотрю ему вслед и уверенно думаю: «Он успел — и я успею». А потом вижу на стене надпись «Мы бежим с тобой, как будто от гепарда». И думаю: «До чего же хорошо в нашей саванне! Надо еще погулять».

Я иногда захожу посидеть во двор возле редакции. Просто выдохнуть, когда журнал не помещается в голове.

...Они гуляют втроем. Старушка немножко отдельно. Просто ходит с костылем по кругу, по дорожкам двора быстрым шагом, немножко хромает. Я медитативно наблюдаю за ней. Она шагает так, что эхом откуда-то издалека ты слышишь голос врача: «Вам надо больше двигаться. Как минимум час в день ходить быстрым шагом». Старушка строго выполняет предписание и задает этому двору какой-то правильный темп жизни. Нормализует ритмы. Я люблю сидеть и смотреть на нее. Я начинаю дышать ровно и глубоко. Чуть поодаль гуляет ее сын с коротконогой собакой. Иногда они перебрасываются фразами, но старушке нельзя отвлекаться, иначе ее догонит то, от чего она уходит. Сын худой и высокий. Он бросает собаке мячик, но делает это так, как будто танцует медленный контемпорари дэнс. И это такой танец с легкой нотой отчаяния, потому что тебе порядочно лет, жизнь стремительно шагает вокруг по дорожке и все плотнее сжимает кольцо... С каждым днем все уже, и ты начал это чувствовать... А собака смешно подпрыгивает и с разлетающимися ушами шуршит по листьям за мячиком: туда-сюда, туда-сюда. Но ей клево. Бросайте еще.

А возле метро я часто встречаю мужчину с серым стаффом (девочка). Мужчина — вещь в себе. Всегда с какими-то объемными пакетами в руках. Стафф спокойно идет рядышком. Без поводка, без ошейника. Ее не интересуют прохожие. Только ниточки запахов. На тротуаре, у кустов, возле скамейки. Она скользит по ним, как бусина на леске. Иногда запах уводит ее подальше, но она спохватывается, останавливается, оборачивается и ждет, пока дистанция с хозяином сократится, чтобы чувствовать его рядом. Я встречаюсь с ними больше года, просто иду по одной дорожке и никогда не видела, чтобы собака обращала внимание на прохожих. Неделю назад она дожда-

лась меня на лестнице в переход. Обернулась и подождала, пока я подойду. А сегодня вечером мы шли навстречу друг другу. И она почему-то подошла и ткнулась носом мне в колено, а потом пошла дальше. Может, это знак судьбы — влажный нос, который ты так хорошо чувствуешь через тонкие колготки?

•

Если так и дальше пойдет, то через пару-тройку лет я лягу на кушетку психотерапевта. И буду лежать, подробно описывая свою жизнь. К сто пятому сеансу я почувствую, что вхожу в пролежни кушетки, как деталь пазла. То есть они мои, это я их налегала. Встану, поглажу дерматин рукой. А психотерапевт будет собирать брови у переносицы и приговаривать: «Ну надо же... Нет... Дай Бог всем такое детство... Откуда у вас эти проблемы? Кто бы мог подумать...» И вдруг на ничем не примечательном сеансе из подсознания выпрыгнет она — грудь, воспетая пожилыми писателями. Эти витальные, едва оформившиеся грудки-яблочки и эсхатологические, монументальные холмики груди. Психотерапевт победно закричит и начнет работать. А я буду рыдать и сопротивляться: «Это все не может быть из-за сисек в рукописях!»

•

К бабушке приезжала делегация на четырехколесном велосипеде: Лера (6 лет) и Диана (4 года). Это соседские дети. Они вообще часто к бабушке заезжают или забегают. У бабушки хорошо: шоколадные конфеты с орехами, или вишни, или козье молоко. Бабушка даже немножко на учете: «Приходили к вам утром, а у вас было закрыто». Тетя радуется, что бабулю хоть кто-то контролирует.

Последний визит был особенно серьезен. Лера и Диана обратились к Ба с просьбой: «Будьте нашей бабушкой, пожалуйста». Бабуля растрогалась, конечно, но включила режим «педагог». «Нет, девочки, — говорит, — я вашей бабушкой быть не могу, потому что у вас уже есть бабушки, а у меня есть внуки». Девчонки приуныли. И тут бабушка сделала ход конем: «А вот правнуков у меня нет (крас-

норечивый взгляд в сторону внуков). Я могу быть только вашей прабабушкой». Лера и Диана немедленно согласились.

Тетя советует поручить этой дипломатической миссии какую-нибудь работу, потому что считает, что образ бабушки в глазах общественности очень уж идеален и шоколадные конфеты выгодно прикрывают плантации. Кстати, когда тетя в пятницу приехала к Ба, то та встретила ее в таком образе. Широкополая шляпа. Фингал под глазом (коза боднула). И широкая, как фронт работ, улыбка, из которой торчит один зуб в коронке с напылением (остальные пока изготавливаются в местной стоматологии). Вот кому такую отдашь? Никому. Так что, Лера и Диана, проезжаем мимо!

Моя подруга упорядочивает финансы и следит за расходами, поэтому везде забирает чеки. Я тоже так когда-то пробовала, но для меня это слишком сложно. Мы стоим на фуд-корте, покупаем лимонад. Еду продают в фуд-треках, и у меня от этого каравана гастрономических кибиток ностальгия по детству — яркие фургончики стояли полукругом, когда в наш городок приезжал цирк-шапито. И вот стою я радостная: все, как в детстве, — лимонад, караван, скоро отпуск (считай каникулы). Подруга расплачивается, с чеком возникает какая-то недолгая заминка (то ли лента, то ли еще что-то). Следом я прошу лимонад, и продавец сразу спрашивает:

— Вам тоже чек нужен?

Я улыбаюсь от уха до уха и говорю:

— Нет. Я не хочу ничего считать. Я хочу транжирить. Буду прожигать жизнь...

Вообще я хотела сказать: «Буду прожигать жизнь, как Хемингуэй». Но в последний момент почему-то сравнения убоялась.

И тут улыбчивый продавец превращается в архетип из романов, которых я недавно начиталась. Мистик, гипнотизер, арлекин, меняющий твою жизнь в одну короткую случайную встречу.

— А я, — говорит, — все-таки дам вам чек, чтобы вы не были такой уж счастливой...

«Счас, — думаю, — нашли Тима Талера». Хватаю свой лимонад и бегу.

Я люблю приходить на озеро к вечеру. Наплаваться, а потом стоять по косточку в воде у берега и сохнуть на вечернем солнышке. Там широкая отмель и много детей. Вчера дети, кажется, сговорились и показывали скетчи из моей жизни.

Глубина — по колено. В детской надувной лодке сидит мальчик в нарукавниках и маске. Рядом стоит мама. «Мама, я буду нылять», — говорит мальчик. Потом выбирается из лодки, секунду стоит в воде и забирается обратно. Это мой любимый вид эпик фейла: как следует подготовиться и почему-то не нырнуть. Только мотора на лодке не хватает. Чтобы после всего этого еще в закат уплыть. Финал должен быть эффектным.

Пока мальчик осмысляет что-то в лодке, девочка лежит на отмели у самого берега, двигает руками и ногами и кричит: «Я водный ангел!» Как снежный, по той же технологии, только в воде. Наш девиз: бессмысленность и самозабвенность. Почему не прилегла рядом — не знаю...

И тут всех действующих лиц перекрывает Глеб. Глеб бежит вдоль берега без трусов и хохочет. Следом бежит мама с полотенцем нараспашку. Видно, что мама минуту назад отдельно прополоскала от песка трусы и отдельно Глеба. Теперь ловит его, чтобы пойти домой. Но у нас очень длинная береговая линия и широкая отмель. Так вот, Глеб — это, конечно, я. А анемичная мама с полотенцем — мои служебные обязанности. Безусловно, схватят и заберут. Но не скоро. Потому что тут очень длинная береговая линия. И отпуск тоже.

г. Минск